

А.К.ТОЛСТОЙ
ИЗБРАННЫЕ
ТВОРЕНИЯ

ДЕТГИЗ

1943

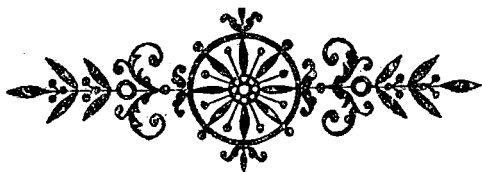

А. К. Толстой.

А. К. Т О Л С Т О Й

**ИЗБРАННЫЕ
СТИХОТВОРЕНИЯ**

*Государственное Издательство
Детской Литературы
НКП РСФСР
Москва 1943 Ленинград*

АЛЕКСЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ТОЛСТОЙ

Современник и друг Пушкина, писатель Антон Погорельский (Алексей Перовский) написал свою знаменитую «Черную курицу» — одну из лучших сказок русской литературы — для маленького сына своей сестры, которого очень любил.

Мальчик рос без отца, так как мать его разошлась с мужем сразу после рождения сына, и Погорельский, человек одинокий, привязался всем сердцем к маленькому племяннику и, как отец, занимался его воспитанием.

Мальчику посчастливилось: с детских лет благодаря своему дяде он рос в атмосфере большого искусства и литературы. «С шестилетнего возраста, —

вспоминал он потом, — начал я мараить бумагу и писать стихи — настолько поразили мое воображение произведения наших лучших поэтов... Я упивался музыкой разнообразных ритмов и старался усвоить их технику...»

Десяти лет мальчик вместе с матерью и Перовским поехал за границу. Вместе с ними он посетил Веймар, был в гостях у великого Гёте. Спустя три года он вторично уехал с родными за границу. На этот раз он совершил путешествие по Италии; посещал старинные города с замечательными памятниками архитектуры, осматривал с дядей музеи, дворцы вельмож, сокровищницы живописи и скульптуры. Погорельский-Перовский был человек богатый, знатного рода, перед ним все двери были открыты, и это путешествие явилось для его воспитанника не только непрерывным праздником, но и подлинной школой искусства, научившей его глубоко понимать, видеть и ценить красоту в природе и в созданиях художников.

Этот мальчик был граф Алексей Константинович Толстой, один из талантливейших русских поэтов.

Алексей Толстой был всего тремя годами моложе Лермонтова (он родился в 1817 году), по рождению и по связям он принадлежал к тому же кругу «высшего света». Первые его литературные опыты

были одобрены Жуковским и, по свидетельству современников, даже Пушкиным. Белинский, прочтя его первую повесть, увидел в ней признаки «замечательного дарования». Но по-настоящему зрело как поэт выступил Толстой в печати только в пятидесятых годах и принадлежит к более позднему поколению литературы.

Товарищ детских игр царя Александра II, Алексей Толстой всю жизнь был близок к царскому двору. Но царская служба тяготила его, и он добился позволения ее оставить и ушел целиком в искусство. Он был добрым, горячим и смелым человеком, не терпевшим подхалимства, рабского угодничества и чуждым карьеризма. Известно, что в 1864 году при встрече с царем на вопрос последнего, что делается в литературе, Толстой ответил: «Русская литература надела траур по поводу несправедливого осуждения Чернышевского». Эта попытка заступничества успеха не имела, но она характеризует Алексея Толстого как человека благородного и смелого.

Алексей Толстой оставил большое и разнообразное литературное наследство: много лирических стихотворений, несколько баллад на темы прошлого русской земли, роман «Князь Серебряный», драматическую трилогию в стихах: «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Федор Иоаннович», «Царь Борис», сати-

рическую «Историю государства Российского» и другие сатиры.

В каждом из этих жанров Алексей Толстой по-своему талантлив, выразителен. Правда, некоторые из его исторических произведений сейчас уже устарели и созданные им образы отдельных исторических деятелей, в частности образ Иоанна IV, противостоят исторической правде. Но есть и среди его произведений на исторические темы немало таких, которые и сегодня читаются и смотрятся нами с глубоким волнением: его пьеса «Царь Федор Иоаннович» и в наши дни не сходит с репертуара Художественного театра.

Алексей Толстой не был борцом, учителем народа, какими были многие из русских писателей. Он превыше всего ставил искусство и всю свою сознательную жизнь посвятил служению ему. Но, как и все лучшие русские писатели, он горячо, сердцем, любил свой народ, свою родину.

Великолепной гордостью русского человека проникнуты многочисленные баллады и былины Толстого. В былине «Змей Тугарин» князь Владимир, отвечая врагу земли русской змею Тугарину, пророчащему всяческие беды России, со спокойной, основанной на непоколебимой вере в силу и могущество русского народа гордостью говорит:

За честь нашей родины я не боюсь...

.

И если настанет година невзгод,
Мы верим, что Русь их победно пройдет...

Рассказывающие в большинстве своем о далеком прошлом, о легендарных героях древней Руси — Добрыне Никитиче, Илье Муромце, Садко и других, — былины Толстого оживлены горячим чувством подлинного патриотизма, любовью к родной земле, к ее историческому прошлому, к русскому языку, который он великолепно знал.

Та же любовь к родине сквозит и в целом ряде его небольших, чисто лирических стихотворений, многие из которых уже давно стали хрестоматийными.

Лирика Толстого живет почти целиком в русской вокальной музыке, в романсах и песнях лучших наших композиторов, для которых его поэзия была на протяжении многих лет щедрым источником вдохновения. Чайковский сделал бессмертными стихи «Средь шумного бала», «То было раннею весной» и «Иль верь, мой друг...»

С детства привыкший постоянно общаться с природой (ранние детские годы поэта прошли в живописном имении Погорельского в Черниговском

губернии), Алексей Толстой хорошо знал ее, чувствовал и умел передать в своих стихах радость от общения с ней.

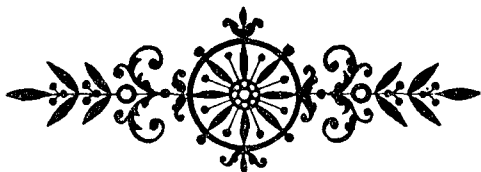
Вот начало одного из его лирических стихотворений:

Дождя отшумевшего капли
Тихонько по листьям текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

Эти строчки сразу вводят нас в мир природы: мы живо ощущаем свежесть воздуха после дождя, слышим шопот деревьев, крики кукушки... Такое полное ощущение природы, такую радость от соприкосновения с нею и смешанную с радостью грусть способна передать только подлинная поэзия, лишь поэт «божьей милостью». Таким поэтом и был Алексей Толстой.

В. Смирнова

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темноглубые?
И о чем звените вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Конь несет меня стрелой
На поле открытом;
Он вас топчет под собой,
Бьет своим копытом.

Колокольчики мои,
Цветики степные!
Не кляните вы меня,
Темноголубые!

Я бы рад вас не топтать,
Рад промчаться мимо,
Но уздой не удержать
Бег неукротимый!
Я лечу, лечу стрелой,
Только пыль взметаю;
Конь несет меня лихой,
А куда? не знаю!

Он ученым ездоком
Не воспитан в холе,
Он с буранами знаком,
Вырос в тихом поле;
И не блещет, как огонь,
Твой чепрак¹ узорный,
Конь мой, конь, славянский конь,
Дикий, непокорный!

Есть нам, конь, с тобой простор!
Мир забывши тесный,

¹ Чепрак — подстилка под конское седло.

Мы летим во весь опор
К цели неизвестной.
Чем окончится наш бег?
Радостью ль, кручиной?
Знать не может человек —
Знает бог единый!..

Гой вы, цветики мои,
Цветики степные!
Что глядите на меня,
Темноглубые?
И о чем грустите вы
В день веселый мая,
Средь некошенной травы
Головой качая?

Ты знаешь край, где всё обильем дышит,
Где реки льются чище серебра,
Где ветерок степной ковыль колышет,
В вишневых рощах тонут хутора,
Среди садов деревья гнутся долу,
И до земли висит их плод тяжелый?

Шумя, тростник над озером трепещет,
И чист, и тих, и ясен свод небес,
Косарь поет, коса звенит и блещет,
Вдоль берега стоит кудрявый лес,
И к облакам, клубясь над водою,
Бежит дымок синеющей струей?

Туда, туда всем сердцем я стремлюся,
Туда, где сердцу было так легко,
Где из цветов венок плетет Маруся,
О старине поет слепой Грицко,
И парубки, кружась на пожне¹ гладкой,
Взрывают пыль веселою присядкой!

Ты знаешь край, где нивы золотые
Испещрены лазурью васильков,
Среди степей курган времен Батыя,
Вдали стада пасущихся волов,
Обозов скрип, ковры цветущей гречи
И вы, чубы — остатки славной Сечи?

Ты знаешь край, где утром в воскресенье,
Когда росой подсолнечник блестит,

¹ По ж н я — сжатая нива, луг.

Ночь под Ивана Купала.

С литографии В. Пассека.

Так звонко льется жаворонка пенье,
Стада блеют, а колокол гудит,
И в божий храм, увенчаны цветами,
Идут казачки пестрыми толпами?

Ты помнишь ночь над спящею Украйной,
Когда седой вставал с болота пар,
Одет был мир и сумраком и тайной,
Блистал над степью искрами стожар,
И мнилось нам: через туман прозрачный
Несутся вновь Палей и Сагайдачный?

Ты знаешь край, где с Русью бились ляхи,
Где столько тел лежало средь полей?
Ты знаешь край, где некогда у плахи
Мазепу клял упрямый Кочубей
И много где пролито крови славной
В честь древних прав и веры православной?

Ты знаешь край, где Сейм печально воды
Меж берегов осиротелых льет,
Над ним дворца разрушенные своды,
Густой травой давно заросший вход,
Над дверью щит с гетманской булавою?..
Туда, туда стремлюся я душою!

*

Дождя отшумевшего капли
Тихонько по листьям текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.

Луна на меня из-за тучи
Смотрела как будто в слезах;
Сидел я под кленом и думал,
И думал о прежних годах.

Не знаю, была ли в те годы
Душа непорочна моя?
Но многому б я не поверил,
Не сделал бы многого я.

Теперь же мне стали понятны
Обман, и коварство, и зло,
И многие светлые мысли
Одну за другой унесло.

Так думал о днях я минувших —
О днях, когда был я добрей;
А в листьях высокого клена
Сидел надо мной соловей.

И пел он так нежно и страстно,
Как будто хотел он сказать:
«Утешься, не сетуй напрасно —
То время вернется опять!»

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид;
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь —

Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;

И грустно я так засыпаю
И в грёзах неведомых сплю...
Люблю ли тебя — я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

Не ветер, вея с высоты,
Листов коснулся ночью лунной;
Моей души коснулась ты —
Она тревожна, как листы,
Она, как гусли, многострунна.
Житейский вихрь ее терзал
И сокрушительным набегом,
Свистя и воя, струны рвал
И заносил холодным снегом.
Твоя же речь ласкает слух,
Твое легко прикосновение,
Как от цветов летящий пух,
Как майской ночи дуновение...

Ты не спрашивай, не распытывай,
Умом-разумом не раскидывай:
Как люблю тебя? Почему люблю?
И за что люблю? и надолго ли?
Ты не спрашивай, не распытывай:
Что сестра ль ты мне? Молода ль жена?
Или детище ты мне малое?

И не знаю я и не ведаю,
Как назвать тебя, как прикликати?
Много цветиков во чистом поле,
Много звезд горит по поднёбесью,
А назвать-то их нет умения,
Распознать-то их нету силушки!
Полюбив тебя, я не спрашивал,
Не разгадывал, не распытывал!
Полюбив тебя, я махнул рукой,
Очертил свою буйну голову!

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик срилиных стай,
Волчий голос в поле!

Гой ты, родина моя!
Гой ты, бор дремучий!
Свист полночный соловья,
Ветер, степь да тучи!

* *
*

Коль любить, так без рассудку,
Коль грозить, так не на шутку,
Коль ругнуть, так сгоряча,
Коль рубнуть, так уж сплеча!

Коли спорить, так уж смело,
Коль корить, так уж за дело,
Коль простить, так всей душой,
Коли пир, так пир горой!

СТРЕЛКОВАЯ ПЕСНЯ

Уж как молодцы пируют
Вкруг дубового стола;
Их кафтаны нараспашку,
Их беседа весела.

По столу-то ходят чарки,
Золоченные звенят;
Что же чарки говорят?
Вот что чарки говорят:
Нет! Нет!
Не бывать,
Не бывать тому,
Чтобы мог француз
Нашу Русь завоевать!
Нет!

**
*

Ой честь ли то молодцу лён прясти?
А и хвала ли боярину кичку¹ носить?
Воеводе по воду ходить?
Гусляру-певуну во приказе сидеть?
Во приказе сидеть, потолок коптить?

Ой коня б ему! гусли б звонкие!
Ой в луга б ему, во зеленый бор!
Через реченьку да в темный сад,
Где соловушка на черёмушке
Целу ноченьку напролет поет!

¹ К и ч к а — старинный головной убор замужней женщины.

**
*

Не верь мне, друг, когда в избытке горя
Я говорю, что разлюбил тебя,
В отлива час не верь измене моря,
Оно к земле воротится любя.

Уж я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебе отдам,
И уж бегут с обратным шумом волны
Издалека к любимым берегам!

**
*

Смеркалось, жаркий день бледнел неуловимо,
Над озером туман тянулся полосой,
И кроткий образ твой, знакомый и любимый,
В вечерний тихий час носился предо мной.

Улыбка та ж была, которую люблю я,
И мягкая коса, как прежде, расплелась,
И очи грустные, попрежнему тоскуя,
Глядели на меня в вечерний тихий час.

Он водил по струнам; упадали
 Волоса на безумные очи,
 Звуки скрипки так дивно звучали,
 Разливаясь в безмолвии ночи.
 В них рассказ убедительно-лживый
 Развивал невозможную повесть;
 И змеинного цвета отливы
 Соблазняли и мучили совесть;
 Обвиняющий слышался голос,
 И рыдали в ответ оправданья,
 И бессильная воля боролась
 С возрастающей бурей желанья,
 И в туманных волнах рисовались
 Берега позабытой отчизны,
 Неземные слова раздавались
 И манили назад с укоризной,
 И так билось сердце тревожно,
 Так ему становилось понятно
 Всё блаженство, что было возможно
 И потеряно так невозвратно,
 И к себе беспощадная бездна
 Свою жертву, казалось, тянула,
 А стезёю лазурной и звездной
 Уж полнеба луна обогнула;

Звуки пели, дрожали так звонко,
Замирали и пели сначала,
Беглым пламенем синяя жжёнка
Музыканта лицо освещала...

Осень. Обсыпается весь наш бедный сад,
Листья пожелтелые по ветру летят,
Лишь вдали красуются, там, на дне долин,
Кисти яркокрасные вянущих рябин.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча твои рученьки грею я и жму,
В очи тебе глядячи, молча слезы лью,
Не умею высказать, как тебя люблю!

Когда природа вся трепещет и сияет,
Когда ее цвета ярки и горячи,
Душа бездейственно в пространстве утопает,
И в неге врозь ее расходятся лучи.
Но в скромный, тихий день, осеннею погодой,
Когда и воздух сер, и тесен кругозор,

Не развлекаюсь я смиренною природой,
И немощен ее на жизнь мою напор.
Мой трезвый ум открыт для сильных вдохновений,
Сосредоточен, я живу в себе самом,
И сжатая мечта зовет толпы видений,
Как зажигательным рождая их стеклом.
Винтовку сняв с гвоздя, я оставляю дом,
Иду меж озимей, чернеющей дорогой;
Смотрю на кучу скирд, на сломанный забор,
На пруд и мельницу, на дикий косогор,
На берег ручейка болотисто-отлогий,
И в ближний лес вхожу. Там покрасневший клен,
Еще зеленый дуб и желтые березы
Печально на меня свои стряхают слезы;
Но дале я иду, в мечтанья погружён,
И виснут надо мной полунагие сучья,
А мысли между тем слагаются в созвучья,
Свободные слова теснятся в мерный строй,
И на душе легко, и сладостно, и странно,
И тихо всё кругом, и под моей ногой
Так мягко мокрый лист шумит благоуханный...

**
*

Вновь растворилась дверь на влажное крыльцо,
В полуденных лучах следы недавней стужи
Дымятся. Теплый ветер повеял нам в лицо
И морщит на полях синеющие лужи.

Еще трещит камин, отливами огня
Минувший тесный мир зимы напоминая,
Но жаворонок там, над озимью звеня,
Сегодня возвестил, что жизнь пришла иная.

И в воздухе звучат слова, не знаю чьи,
Про счастье, и любовь, и юность, и доверье,
И громко вторят им бегущие ручьи,
Колебля тростника желтеющие перья;

Пускай же, как они по глине и песку
Растаявших снегов, журча, уносят воды,
Бесследно унесет души твоей тоску
Врачующая власть воскреснувшей природы!

Н А Т Я Г Е

Сквозит на зареве темнеющих небес
И мелким предо мной рисуется узором
В весенние листы едва одетый лес,
На луг болотистый спускаясь косогором.

И глушь и тишина. Лишь сонные дрозды,
Как нехотя, свое доканчивают пенье;
От дуга всходит пар... Мерцающей звезды
У ног моих в воде явилось отраженье;
Прохладой дунуло, и прошлогодний лист
Зашелестел в дубах. Внезапно легкий свист
Послышался; за ним, отчетисто и внятно,
Стрелку знакомый хрип раздался троекратно,
И вальдшнеп протянул — вне выстрела. Другой
Летит из-за лесу, но длинною дугой
Опушку обогнул и скрылся. Слух и зренье
Мои напряжены, и вот через мгновенье,
Свистя, еще один, в последнем свете дня,
Чертой трепещущей несется на меня.
Дыханье притаив, нагнувшись под осиною,
Я выждал верный миг — вперед на пол-аршина
Я вскинул — огонь блеснул, по лесу грянул гром —
И вальдшнеп падает на землю колесом.
Удара тяжкого далекие раскаты,
Слабея, замерли. Спокойствием объятый,
Вновь дремлет юный лес, и облаком седым
В недвижном воздухе висит ружейный дым.
Вот донеслась еще из дальнего болота
Весенних журавлей ликующая нота —
И стихло всё опять, и в глубине ветвей
Жемчужной дробью зашелестел соловей.

Но отчего же вдруг, мучительно и странно,
Минувшим на меня повеяло неожиданно,
И в этих сумерках, и в этой тишине
Упреком горестным оно предстало мне?
Былые радости! Забытые печали!
Зачем в моей душе вы снова прозвучали
И снова предо мной, средь явственного сна,
Мелькнула дней моих погибшая весна?

**
*

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не целѣ звонко,
И в завитках еще в бору
Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
Ты опустила вежды —
О жизнь! о лес! о солнца свет!
О юность! о надежды!

И плакал я перед тобой,
На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
О счастье! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
О свежий дух березы!

**
*

Прозрачных облаков спокойное движенье,
Как дымкой солнечной перенимая свет,
То бледным золотом, то мягкой синей тенью
Окрашивает даль. Нам тихий свой привет
Шлёт осень мирная. Ни резких очертаний,
Ни ярких красок нет. Землей пережита
Пора роскошных сил и мощных трепетаний;

Стремленья улеглись; иная красота
Сменила прежнюю; ликующего лета
Лучами сильными уж боле не согрета,
Природа вся полна последней теплоты;
Еще вдоль влажных меж красуются цветы,
А на пустых полях засохшие былины
Опутывает сеть дрожащей паутины;
Кружась медленно в безветрии лесном,
На землю желтый лист спадает за листом;
Невольно я слежу за ними взором думным,
И слышится мне в их падении бесшумном:
— Всему настал покой, прими ж его и ты,
Певец, державший стяг во имя красоты;
Проверь, усердно ли ее святое семя
Ты в борозды бросал, оставленные всеми,
По совести ль тобой задача свершена
И жатва дней твоих обильна иль скудна?

КОЛОДНИКИ

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль, —
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.

Идут они с бритыми лбами,
Шагают вперед тяжело,
Угрюмые сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.

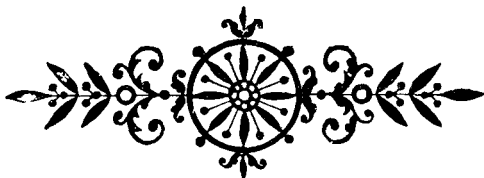
Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут.

«Что, братцы, затынемте песню,
Забудем лихую беду!
Уж, видно, такая невзгода
Написана нам на роду!»

И вот повели, затанули,
Поют, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даром минувшие дни,

Поют про свободные степи,
Про дикую волю поют,
День меркнет всё боле, — а цепи
Дорогу метут да метут...

БАЛЛАДЫ, БЫЛИНЫ И САТИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

КУРГАН

В степи, на равнине открытой
Курган одинокий стоит,
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие веки зарыт.

В честь витязя тризну¹ свершали,
Дружина дралася три дня,
Жрецы ему разом заклали
Всех жен и любимца коня.

Когда же его схоронили
И шум на могиле затих,

¹ Т р и з н а — поминки.

Певцы ему славу сулили,
На гуслях гремя золотых:

«О витязь! делами твоими
Гордится великий народ,
Твое громоносное имя
Столетия все перейдет!

И если курган твой высокий
Сравнялся бы с полем пустым,
То слава, разлившись далёко,
Была бы курганом твоим!»

И вот миновались годы,
Столетия вслед протекли,
Народы сменили народы,
Лицо изменилось земли.

Курган же с высокой главою,
Где витязь могучий зарыт,
Еще не сравнялся с землею,
Попрежнему гордо стоит.

А витязя славное имя
До наших времен не дошло...

Кто был он? Венцами какими
Свое он украсил чело?

Чью кровь проливал он рекою?
Какие он жег города?
И смертью погиб он какою?
И в землю опущен когда?

Безмолвен курган одинокий,
Наездник державный забыт,
И тризны в пустыне широкой
Никто уж ему не свершит!

Лишь мимо кургана мелькает
Сайгак, через поле скача,
Иль вдруг на него налетает,
Крылами треща, саранча.

Порой журавлиная стая,
Окончив подоблачный путь,
К кургану шумит подлетая,
Садится на нем отдохнуть.

Тушканчик порою проскачет
По нем при мерцании дня

Иль всадник высоко маячит
На нем удалого коня.

А слезы прольют разве тучи,
Над степью плывя в небесах,
Да ветер лишь свет летучий
С кургана забытого прах.

* *
*

Где гнутся над омутом лозы,
Где летнее солнце печет,
Летают и пляшут стрекозы,
Веселый ведут хоровод.

«Дитя, подойди к нам поближе,
Тебя мы научим летать,
Дитя, подойди, подойди же,
Пока не проснулася мать!

Под нами трепещут былинки,
Нам так хорошо и тепло,
У нас бирюзовые спинки,
А крылышки точно стекло!

Мы песенку знаем так много,
Мы так тебя любим давно —
Смотри, какой берег отлогий,
Какое песчаное дно!»

Ходит Спесь, надувающихся,
С боку на бок переваливаясь.
Ростом-то Спесь аршин с четвертью,
Шапка-то на нем во целу сажень,
Пузо-то его всё в жемчуге,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашел бы Спесь к отцу, к матери,
Да ворота некрашены!
А и помолился б Спесь во церкви божией,
Да пол не метен!
Идет Спесь, видит: на небе радуга;
Повернул Спесь во другую сторону;
Непригоже-де мне нагибаться!

**
*

У приказных ворот собирался народ

Густо;

Говорит в простоте, что в его животе

Пусто!

«Дурачьё! — сказал дьяк. — Из вас должен быть всяк

В теле;

Еще в Думе вчера мы с трудом осетра

Съели!»

На базар мужик вёз через реку обоз

Пакли;

Мужичок-то, вишь, прост, знай везет через мост,

Так ли?

«Вишь, дурак! — сказал дьяк. — Тебе мост, чай,

пустяк,

Дудки?

Ты б его поберег, ведь плыли ж поперек

Утки!»

Как у Васьки Волчка вор стянул гусака,

Вишь ты!

В полотенце свернул, да поймал караул,

Ништо!

Дьяк сказал: «Дурачьё! Полотенце-то чье?

Васьки?

Стало, Васька и тать¹, стало, Ваське и дать
Таску!»

Пришел к дьяку больной, говорит: «Ой, ой, ой,
Дьяче!

Очень больно нутру, а уж вот поутру
Паче!²

И не лечь, и не сесть, и не можно мне съестъ
Столько!» —

«Вишь, дурак! — сказал дьяк. — Ну не ешь натецак;
Только!»

Пришел к дьяку истед, говорит: «Ты отец
Бедных;

Кабы ты мне помог — видишь денег мешок
Медных —

Я б те всынал, ей-ей, в шапку десять рублей,
Шутка!» —

«Сыпь сейчас, — сказал дьяк, подставляя колпак, —
Ну-тка!»

¹ Т а т ь — вор.

² П а ч е — еще больше, еще сильнее.

М Е Й Т У Г А Р И

1

Над светлым Днепром, средь могучих бѣлр,
Близъ стольного Кіева града,
Пируетъ Владимир, с нимъ молод и стар,
И слышенъ далѣко звонъ кованыхъ чар,
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

2

И молвитъ Владимир: «Что жъ нѣту певцовъ?
Безъ нихъ мнѣ и пиръ не отрада!»
И вотъ незнакомый изъ дальнихъ рядовъ
Певецъ выступаетъ на княжескій зовъ,
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

3

Глаза словно щели, растянутый ротъ,
Лицо на лицо не похоже,
И выдались скулы углами впередъ,
И ахнулъ отъ ужаса русский народъ:
«Ой рожа, ой страшная рожа!»

4

И началъ онъ петь на неведомый ладъ:
«Владычество смелымъ награда!

Ты, княже, могуч и казною богат,
И помнит ладьи твои дальний Царьград,
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

5

Но род твой не вечно судьбою храним,
Настанет тяжелое время,
Обнимут твой Киев и пламя и дым,
И внуки твои будут внукам моим
Держать золочёное стремя!»

6

И вспыхнул Владимир при слове таком,
В очах загорелась досада —
Но вдруг засмеялся — и хохот кругом
В рядах прокатился, как по небу гром,
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

7

Смеется Владимир, и с ним сыновья,
Смеется, потупясь, княгиня,
Смеются бояре, смеются князья,
Удалый Попович, и старый Илья,
И смелый Никитич Добрыня.

Певец продолжает: «Смешна моя весть
 И вашему уху обидна?
 Кто мог бы из вас оскорбление снесть?
 Бесценное русским сокровище честь,
 Их клятва: Да будет мне стыдно!

На вече народном вершится их суд,
 Обиды смывает с них поле —
 Но дни, погодите, иные придут,
 И честь, государи, заменит вам кнут,
 А вече — каганская воля!»

— «Стой! — молвит Илья, — твой хоть голос и чист,
 Да песня твоя не пригожа!
 Был вор Соловей, как и ты, голосист,
 Да я пятернёй приглушил его свист —
 С тобой не случилось бы то же!»

Певец продолжает: «И время придет,
 Уступит наш хан христианам.

И снова подымется русский народ,
И землю единый из вас соберет,
Но сам же над ней станет ханом!

12

И в тереме будет сидеть он своим,
Подобен кумиру средь храма,
И будет он спины вам бить батожем,
А вы ему стукать да стукать челом —
Ой срама, ой горького срама!»

13

— «Стой! — молвит Попович, — хоть дюжий твой
рост,

Но слушай, поганая рожа:
Зашла раз корова к отцу на погост,
Махнул я ее через крышу за хвост —
Тебе не было бы того же!»

14

Но тот продолжает, ослабивши пасть:
«Обычай вы наш переймете,
На честь вы поруху научитесь класть,
И вот, наглотавшись татарщины всласть,
Вы Русью ее назовете!

15

И с честной поссоритесь вы стариной,
 И предкам великим на сором,
 Не слушая голоса крови родной,
 Вы скажете: Станем к варягам спиной,
 Лицом повернемся к обдорам!»

16

— «Стой! — молвит, поднявшись, Добрыня, — не смей
 Пророчить такого нам горя!
 Тебя я узнал из негодных речей:
 Ты старый Тугарин, поганый тот змей,
 Приплывший от Черного моря!»

17

На крыльях бумажных, ночью порой,
 Ты часто вокруг Киева-града
 Летал и шипел, но тебя не впервой
 Попотчую я каленою стрелой —
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

18

И начал Добрыня натягивать лук —
 И вот, на потеху народу,

Струны богатырской послышавши звук, —
Во змея певец перекинулся вдруг
И с шипом бросается в воду.

19

«Тьфу, гадина! — молвил Владимир и нос
Зажал от несносного смрада, —
Чего уж он в скаредной песни не нес,
Но, благо, удрал от Добрынюшки, пес, —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

20

А змей, по Днепру расстилаясь, плывет,
И, смехом преследуя гада,
По нем улюлюкает русский народ:
«Чай, песни теперь уже нам не споет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

21

Смеется Владимир: «Вишь, выдумал нам
Каким угрожать он позором!
Чтоб мы от Тугарина приняли срам!
Чтоб спины подставили мы батогам!
Чтоб мы повернулись к обдорам!

22

Нет, шутишь! Живет наша русская Русь!
 Татарской нам Руси не надо!
 Солгал он, солгал, перелетный он гусь,
 За честь нашей родины я не боюсь —
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!

23

А если б над нею беда и стряслась,
 Потомки беду перемогут!
 Бывает, — промолвил свет-солнышко-князь, —
 Неволья заставит пройти через грязь —
 Купаться в ней свиньи лишь могут!

24

Подайте ж мне чару большую мою,
 Ту чару, добытую в сече,
 Добытую с ханом хозарским в бою, —
 За русский обычай до дна ее пью,
 За древнее русское вече!

25

За вольный, за честный славянский народ,
 За колокол пью Новаграда!

И если он даже и в прах упадет,
Пусть звон его в сердце потомков живет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

26

Я пью за варягов, за дедов лихих,
Кем русская сила подъята,
Кем славен наш Киев, кем грек приутих,
За синее море, которое их,
Шумя, принесло от заката!»

27

И вышел Владимир — и разом кругом,
Как плеск лебединого стада,
Как летом из тучи ударивший гром,
Народ отвечает: «За князя мы пьем!
Ой ладо, ой ладушки-ладо!

28

Да правит по-русски он русский народ,
А хана нам даром не надо!
И если настанет година невзгод,
Мы верим, что Русь их победно пройдет —
Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

Пирует Владимир со светлым лицом,
 В груди богатырской отрада,
 Он верит: победно мы горе пройдем,
 И весело слышать ему над Днепром:
 «Ой ладо, ой ладушки-ладо!»

Пирует с Владимиром сила бояр,
 Пируют посадники града,
 Пирует весь Киев, и молод и стар,
 И слышен далёко звон кованых чар —
 Ой ладо, ой ладушки-ладо!

И Л Ъ Я М У Р О М Е Ц

1

Под бронёй, с простым набором,
 Хлеба кус жуя,
 В жаркий полдень едет бором
 Дедушка Илья.

2

Едет бором, только слышно,
 Как бряцает бронь,

Топчет папоротник пышный
Богатырский конь.

3

И ворчит Илья сердито:
«Ну, Владимир, что ж?
Посмотрю я, без Ильи-то
Как ты проживешь?»

4

Двор мне, княже, твой не диво!
Не пиров держусь!
Я мужик неприхотливый,
Был бы хлеба кус!

5

Но обнёс меня ты чарой
В очередь мою —
Так шагай же, мой чубарый,
Уноси Илью!

6

Без меня других довольно,
Сядут — полон стол!
Только лакомы уж больно:
Любят женский пол!

С рисунка В. Васнецова.

7

Все твои богатыри-то,
Значит, молодежь;
Вот без старого Ильи-то
Как ты проживешь!

8

Тем-то я их боле стою,
 Что забыл уж баб;
 А как тресну булавою,
 Так еще не слаб!

9

Правду молвить, для княжого
 Не гожусь двора!
 Погулять по свету снова
 Без того пора!

10

Не терплю богатых сеней,
 Мраморных тех плит;
 От царьградских от курений
 Голова болит!

11

Душно в Киеве, что в скрини¹,
 Только киснет кровь!
 Государыне-пустыне
 Поклонюся вновь!

¹ С к р и н я — сундук.

12

Вновь изведаю я, старый,
 Волюшку мою —
 Ну же, ну, шагай, чубарый,
 Уноси Илью!»

13

И старик лицом суровым
 Просветлел опять,
 Понутру ему здоровым
 Воздухом дышать;

14

Снова веет воли дикой
 На него простор,
 И смолой и земляникой
 Пахнет темный бор.

АЛЕША ПОПОВИЧ

1

Кто веслом так ловко правит
 Через áир и купырь?
 Это тот Попович славный,
 Тот Алеша-богатырь!

2

За плечами видны гусли,
А в ногах червлёный щит,
Супротив его царевна
Полонёная сидит.

3

Под себя поджала ножки,
Летник свой подобрала,
И считает робко взмахи
Богатырского весла.

4

«Ты почто меня, Алеша,
В лодку песней заманил?
У меня жених есть дома,
Ты ж, похитчик, мне не мил!»

5

Но, смеясь, Попович молвит:
«Не похитчик я тебе!
Ты взошла своею волей,
Покорись своей судьбе!»

6

Ты не первая попалась
В лодку, девица, мою:

Знаменитым птицеловом
Я слыву в моем краю!

7

Без силков и без приманок
Я не раз меж камышей
Голубых очеретянок
Песней лавливал моей!

8

Но в плену, кого поймаю,
Без нужды я не морю;
Покорися же, царевна,
Сдайся мне, богатырю!»

9

Но она к нему: «Алеша,
Тесно в лодке нам вдвоем,
Тяжела ей будет ноша,
Вместе ко дну мы пойдем!»

10

Он же к ней: «Смотри, царевна,
Видишь там, где тот откос,
Как на солнце быстро блещут
Стаи легкие стрекоз?

11

На лозу когда бы сели,
Не погнули бы лозы;
Ты же в лодке не тяжеле
Легкокрылой стрекозы».

12

И душистый гнет он аир,
И, скользя очеретом,
Стебли длинные купавок
Рвет сверкающим веслом.

13

Много певников нарядных
В лодку с берега глядит,
Но Поповичу царевна,
Озираясь, говорит:

14

«Птицелов ты беспощадный,
Иль тебе меня не жаль?
Отпусти меня на волю,
Лодку к берегу причаль!»

15

Он же, в берег упираясь
И осокою шурша,

Повторяет только: «Сдайся,
Сдайся, девица-душа!

16

Я люблю тебя, царевна,
Я хочу тебя добыть!
Вольной волей иль неволей
Ты должна меня любить!»

17

Он весло свое бросает,
Гусли звонкие берет —
Дивным пением дрожащий
Огласился очерёт.

18

Звуки льются, звуки тают...
То не ветер ли во ржи?
Не крылами ль задевают
Медный колокол стрижи?

19

Иль в тени журчат дубравной
Однозвучные ключи?
Иль ковшей то звон заздравный?
Иль мечи бьют о мечи?

20

Пламя ль блещет? Дождь ли льется?
Буря ль встала, пыль крутя?
Конь ли по полю несется?
Мать ли пестует дитя?

21

Или то воспоминанье,
Отголосок давних лет?
Или счастья обещанье?
Или смерти то привет?

22

Песню кто уразумет?
Кто поймет ее слова?
Но от звуков сердце млеет
И кружится голова.

23

Их услыша, присмирели
Пташек резвые четы,
На тростник стрекозы сели,
Преклонилися цветы.

24

Погремок, пестрец и шильник,
И болотная заря

К лодке с берега нагнулись
Слышать песнь богатыря.

25

Так с царевной по теченью
Он уносится меж трав,
И она внимает пенью,
Руку белую подняв.

26

Что внезапно в ней свершилось?
Тоскованье улеглось?
Сокровенное ль открылось?
Невозможное ль сбылось?

27

Словно давние печали
Разошлись, как туман,
Словно все преграды пали,
Или были лишь обман!

28

Взором любящим невольно
В лик его она впилась,
Ей и радостно и больно,
Слезы капаят из глаз.

Любит он иль лицемерит —
 Для нее то всё равно,
 Этим звукам сердце верит
 И дрожит, побеждено.

И со всех сторон их лодку
 Обняла речная тишь,
 И куда ни обернешься —
 Только небо да камыш...

САДКО

1

Сидит у царя водяного Садко
 И с думою смотрит печальной,
 Как моря пучина над ним высоко
 Синее сквозь терем хрустальный.

2

Там ходят, как тени, над ним корабли,
 Товарищи там его ищут,
 Там берег остался цветущей земли,
 Там птицы порхают и свищут;

3

А здесь на него любопытно глядит
Белуга, глазами моргая,
Иль мелкими искрами мимо бежит
Снятков серебристая стая;

4

Куда он ни взглянет, всё синяя гладь,
Всё воду лишь видит да воду,
И песни устал он на гуслях играть
Царю водяному в угоду.

5

А царь, улыбаясь, ему говорит:
«Садко, мое милое чадо,
Поведай, зачем так печален твой вид?
Скажи мне, чего тебе надо?»

6

Кутя ли с шафраном моя не вкусна?
Блины с инбирём не жирны ли?
Аль в чем неприветна царица-жена?
Аль дочери чем досадили?

7

Смотри, как алмазы здесь ярко горят,
Как много здесь яхонтов алых!

Сокровищ ты столько нашел бы навряд
В хвалёных софийских подвалах!»

8

— «Ты, гой еси, царь-государь водяной,
Морское пресветлое чудо!
Я много доволен твоею женой,
И мне от царевен не худо;

9

Вкусны и кутя и блины с инбирём,
Одно, государь, мне обидно:
Куда ни посмотришь, всё мокро кругом,
Сухого местечка не видно!

10

Что пользы мне в том, что сокровищ полны
Подводные эти хоромы?
Увидеть бы мне хотя б зелень сосны!
Прилечь хоть на ворох соломы!

11

Богатством своим ты меня не дѣржи;
Все роскоши эти и неги
Я б отдал за крик перепелки во ржи,
За скрип новгородской телеги!

12

Давно так не видно мне божьего дня,
Мне запаху здесь только тина;
Хоть дѣгтем повеяло б раз на меня,
Хоть дымом курного овина!

13

Когда же я вспомню, что этой порой
Весна на земле расцветает,
И сам уж не знаю, что етанет со мной:
За сердце вот так и хватает!

14

Теперь у нас пляски в лесу в молодом,
Забыты и стужа и слякоть —
Когда я подумаю только о том,
От грусти мне хочется плакать!

15

Теперь, чай, и птица и всякая зверь
У нас на земле веселится;
Сквозь лист прошлогодний пробившись, теперь
Синсает в лесу медуница!

16

Во свежем, в зеленом в лесу молодом
Березой душистою пахнет —

И сердце во мне, лишь подумаю о том,
С тоски изнывает и чахнет!»

17

— «Садко, мое чадо, городишь ты вздор,
Земля нестерпима от зною!
Я в этом сошлюся на целый мой двор,
Всегда он согласен со мною!»

18

Мой терем есть моря великого пуп;
Твой жеребий, стало быть, светел;
А ты непонятлив, несведущ и глуп,
Я это давно уж заметил!

19

Ты в Думе пригоден моей заседать,
Твою возвеличу я долю
И сан водяного советника дать
Тебе непременно изволю!»

20

— «Ты, гой еси, царь-государь водяной,
Премного тебе я обязан,
Но почести я недостойн морской,
Уж очень к земле я привязан;

21

Бывало, не всё там норовилось мне,
 Не по-сердцу было иное;
 С тех пор же, как я очутился на дне,
 Мне всё стало мило земное;

22

Припомнился пес мне, и грязен и хил,
 В репьях и сору извалялся;
 На пир я в ту пору на званный спешил,
 А он мне под ноги попался;

23

Брюзгливо взглянув, я его отогнал,
 Ногой оттолкнул его гордо —
 Вот этого пса я б теперь целовал
 И в темя, и в очи, и в морду!»

24

— «Садко, мое чадо, на кую ты стать
 О псе вспоминаешь сегодня?
 Зачем тебе грязного пса целовать?
 На то мои дочки пригодней!

25

Воистину, чем бы ты им не жених?
 Я вижу, хоть в ус и не дую,

Пошла за тебя бы любая из них,
Бери ж себе в жены любую!»

26

— «Ты, гой еси, царь-государь водяной,
Морское пресветлое чудо!
Боюсь, от брака с такою женой
Не вышло б душе моей худо!

27

Не спорю, они у тебя хороши,
И цвет их очей изумрудный,
Но только колючи они, как ерши,
Нам было б сожителство трудно!

28

Я тем не порочу твоих дочерей,
Но я бы, не то что люблю,
А всех их сейчас променял бы, ей-ей,
На первую девку рябую!»

29

— «Садко, мое чадо, уж очень ты груб,
Не нравится речь мне такая;
Когда бы твою не ценил я игру б,
Ногой тебе дал бы пинка я!

30

Но печени как-то сегодня свежо,
 Веселье в утробе я чую;
 О свадьбе твоей потолкуем ужю,
 Теперь же сыграй плясовую!»

31

Ударил Садко по струнам трепака,
 Сам к чорту шлет царскую ласку,
 А царь, ухмыляясь, уперся в бока,
 Готовится, дрыгая, в пляску;

32

Сперва лишь на месте поводит усом,
 Щетинистой бровью кивает,
 Но вот запыхтел и надулся, как сом,
 Всё боле его разбирает;

33

Похаживать начал, плечьми шевеля,
 Подпрыгивать мимо царицы,
 Да вдруг как пойдет выводить вензеля,
 Так все затряслись половицы.

34

— «Ну, — мыслит Садко, — я тебя заморю!»
 С досады быстрее он играет,

Но как ни частит, водяному царю
Всё более сил прибывает:

35

Пустился навыверт пятами месить,
Закидывать ногу за ногу;
Откуда взялася, подумаешь, прыть?
Глядеть индо страшно, ей-богу!

36

Бояре в испуге ползут окарачь,
Царица присела аж на пол,
Пишат-ин царевны, а царь себе вскачь
Знай чешет ногами оба-пол.

37

То, выпятя грудь, на придворных он прет,
То, скорчившись, пятится боком,
Ломают коленца и взад и вперед,
Баляет загрёбом и скоком;

38

И всё веселей и привольней ему,
Коленца выходят всё круче —
Темнее становится всё в терему,
Над морем собираются тучи...

Но шибче играет Садко, осерча,
 Сжав зубы и брови нахмуря,
 Он элится, он дергает струны силеча —
 Вверху подымается буря...

Вот дальними грянул раскатами гром,
 Сверкнуло в пучинном просторе,
 И огненным светом зардела кругом
 Глубокая празелень моря.

Вот крики слышались там высоко:
 То гибнут пловцы с кораблями —
 Отчаянней бьет пятернями Садко,
 Царь бешеной месит ногами;

Вприсядку понес его чорт ходуном,
 Он фыркает, пышет и дует,
 Гремит плясовая, колеблется дом,
 И море ревет и бушует...

И вот пузыри от подстенья пошли.
 Садко уже видит сквозь стены:

Разбитые ко дну летят корабли,
Крутясь средь ила и пены;

44

Он видит: моряк не один потонул,
В нем сердце исполнилось жали,
Он сильною хваткой за струны рванул —
И, лопнув, они завизжали.

45

Споткнувшись, на месте стал царь водяной,
Ногою подъятой болтая:
«Никак, подшутил ты, Садко, надо мной?
Противна мне шутка такая!

46

Не в пору, невежа, ты струны порвал,
Как раз, когда я расплясался!
Такого колена никто не видал,
Какое я дать собирался!

47

Зачем здоровее ты струн не припас?
Как буду теперь без музыки?
Аль ты, неумытый, плясать всухопляс
Велишь мне, царю и владыке?»

И плёсом чешуйным в потылицу царь
 Хватил его, ярости полный,
 И вот завертелся Садко, как кубарь,
 И вверх понесли его волны...

Сидит в Новеграде Садко невредим,
 С ним вящие все уличане;
 На скатерти браной шинит перед ним
 Вино в венецейском стакане;

Степенный посадник, и тысяцкий тут,
 И старых посадников двое,
 И с ними кончанские старосты пьют
 Здоровье Садку круговое.

«Поведай, Садко, уходил ты куда?
 На чудскую Емь аль на Балты?
 Где бросил свои расшивные суда?
 И без вести где пропадал ты?»

Поет и на гусях играет Садко,
 Поет про царя водяного:

Как было там жить у него нелегко,
И как уж он пляшет здорово;

53

Поет про поход без утайки про свой,
Какая чему была чередь —
Качают в сомнении все головой,
Не могут рассказу поверить.

С О Н П О П О В А

1

Приснился раз, бог весть с какой причины,
Советнику Попову странный сон:
Поздравить он министра в именины
В приемный зал вошел без панталон;
Но, впрочем, не забыто ни единой
Регалии; отлично выбрит он;
Темляк на шпаге; всё по циркуляру —
Лишь панталон забыл надеть он пару.

2

И надо же случиться на беду,
Что он тогда лишь свой заметил промах,

Как уж вошел. «Ну, — думает, — уйду!»
Не тут-то было! Уж давно в хоромаш
Народу тьма; стоит он на виду,
В почетном месте; множество знакомых
Его увидеть могут на пути —
«Нет, — он решил, — нет, мне нельзя уйти!

3

А вот я лучше что-нибудь придвину
И скрою тем досадный мой изъян;
Пусть верхнюю лишь видят половину,
За нижнюю ж ответит мне Иван!»
И вот бочком пробрался он к камину
И спрятался по пояс за экран.
«Эх, — думает, — недурно ведь, канальство!
Теперь пусть входит высшее начальство!»

4

Меж тем тесней всё становился круг
Особ чиновных, чающих карьеры;
Невнятный в зале раздавался звук,
И все принять свои старались меры,
Чтоб сразу быть замеченными. Вдруг
В себя втянули животы курьеры,
И экзекутор рысью через зал,
Придерживая шпагу, пробежал.

5

Вошел министр. Он видный был мужчина,
 Изящных форм, с приветливым лицом,
 Одет в визитку; своего, мол, чина
 Не ставлю я пред публикой ребром.
 Внушается гражданством дисциплина,
 А не мундиром, шитым серебром.
 Всё зло у нас от глупых форм избытка,
 Я ж века сын — так вот на мне визитка!

6

Не ускользнул сей либеральный взгляд
 И в самом сне от зоркости Попова.
 Хватается, кто тонет, говорят,
 За паутинку и за куст терновый.
 «А что, — подумал он, — коль мой наряд
 Понравится? Ведь есть же, право слово,
 Свободное, простое что-то в нем!
 Кто знает? Что ж? Быть может! Подождем!»

7

Министр меж тем стан изгибав приятно:
 «Всех, господа, всех вас благодарю!
 Прошу и впредь служить так аккуратно
 Отечеству, престолу, алтарю!

Ведь мысль моя, надеюсь, вам понятна?
Я в переносном смысле говорю:
Мой идеал полнейшая свобода —
Мне цель народ — и я слуга народа!

8

Прошло у нас то время, господа, —
Могу сказать: печальное то время, —
Когда наградой пота и труда
Был произвол. Его мы свергли бремя.
Народ воскрес — но не вполне — да, да!
Ему вступить должны помочь мы в стремя,
В известном смысле сгладить все следы
И, так сказать, вручить ему бразды.

9

Искать себе не будем идеала,
Ни основных общественных начал
В Америке. Америка отстала:
В ней собственность царит и капитал.
Британия строй жизни запятнала
Законностью. А я уж доказал:
Законность есть народное стеснение,
Гнуснейшее меж всеми преступленьем!

10

Нет, господа! России предстоит,
 Соединив прошедшее с грядущим,
 Создать, коль смею выразиться, вид,
 Который называется присущим
 Всем временам; и, став на свой гранит,
 Имущим, так сказать, и неимущим
 Открыть родник взаимного труда.
 Надеюсь, вам понятно, господа?»

11

Раздался в зале шопот одобренья,
 Министр поклоном легким отвечал,
 И тут же, с видом, полным снисхожденья,
 Он обходить обширный начал зал:
 «Как вам? Что вы? Здорова ли Евгенья
 Семеновна? Давно не заезжал
 Я к вам, любезный Сидор Тимофеич!
 Ах, здравствуйте, Ельпидифор Сергеич!»

12

Стоял в углу, плюгав и одинок,
 Какой-то там коллежский регистратор.
 Он и к тому, и тем не пренебрег;
 Взял под-руку его: «Ах, Антипатор

Васильевич! Что, как ваш кобелёк?
Здоров ли он? Вы ездите в тсатор?
Что вы сказали? Всё болит живот?
Ах, как мне жаль! Но ничего, пройдет!»

13

Переходя налево и направо,
Свои министр так перлы расточал;
Иному он подмигивал лукаво,
На консомé другого приглашал
И ласково смотрел и величаво.
Вдруг на Попова взор его упал,
Который, скрыт экраном лишь по пояс,
Исхода ждал, немного беспокоясь.

14

«Ба! Что я вижу! Тит Евсейч здесь!
Так, так и есть! Его мы точность знаем!
Но отчего ж он виден мне не весь?
И заслонён каким-то попугаем?
Престранная выходит это смесь!
Я любопытством очень подстрекаем
Увидеть ваши ноги. Да, да, да!
Я вас прошу, пожалуйста сюда!»

15

Колеблясь меж надежды и сомненья:
 Как на его посмотрят туалет,
 Попов наружу вылез. В изумленьи
 Министр приставил к глазу свой лорнет:
 «Что это? Правда или наважденье?
 Никак, на вас штанов, любезный, нет?»
 И на чертах изящно-благородных
 Гнев выразил ревнитель прав народных.

16

«Что это значит? Где вы рождены?
 В Шотландии? Как вам пришла охота
 Там, за экраном, снять с себя штаны?
 Вы начитались, верно, Вальтер Скотта?
 Иль классицизмом вы заражены
 И римского хотите патриота
 Изобразить? Иль, боже упаси,
 Собой бюджет представить на Руси?»

17

И был министр еще во гневе краше,
 Чем в милости. Чреватый от громов
 Взор заблестел. Он продолжал: «Вы наше
 Доверье обманули. Много слов

Я тратить не люблю». — «Ва-ва-ва-ваше
Превосходительство! — шептал Попов: —
Я не сымал... Свидетели курьеры,
Я прямо так приехал из квартиры!»

18

— «Вы, милостивый, смели, государь,
Приехать так? Ко мне? На поздравленье?
В день ангела? Безнравственная тварь!
Теперь твое я вижу направление!
Вон с глаз моих! Иль нету — секретарь!
Пишите к прокурору отношение:
Советник Тит Евсеев сын Попов
Все ниспровергнуть власти был готов.

19

Но строгому благодаря надзору
Такого-то министра — имярек, —
Отечество спаслось от заговору
И нравственность не сгинула навек.
Под стражей ныне шлётся к прокурору
Для следствия сей вредный человек,
Дерзнувший снять публично панталоны,
Да поразят преступника законы!

Иль нет, постойте! Коль отдать под суд,
 По делу может выйти послабление,
 Присяжные-бесштанники спасут
 И оправдают корень возмущенья!
 Здесь слишком громко нравы вопиют —
 Пишите прямо в Третье Отделение:
 Советник Тит Евсеев сын Попов
 Все ниспровергнуть власти был готов.

Он поступил законам так противно,
 На общество так явно поднял меч,
 Что пользу можно б административно
 Из неглиже из самого извлечь.
 Я жертвую агентам по две гривны,
 Чтобы его — но скрашиваю речь —
 Чтоб мысли там ему внушить иные.
 Затем ура! Да здравствует Россия!»

Министр кивнул мизинцем. Сторожа
 Внезапно взяли под-руки Попова.
 Стыдливостью его не дорожа,
 Они его от Невского, Садовой,

Средь смеха, крика, чуть не мятежа,
К Цепному мосту привели, где новый
Стоит на вид весьма красивый дом,
Своим известный праведным судом.

23

Чиновник по особым порученьям,
Который их до места проводил,
С заботливым Попова попеченьем
Сдал на руки дежурному. То был
Во фраке муж, с лицом, пылавшим рвением,
Со львиной физиономией, носил
Мальтийский крест и множество медалей,
И в душу взор его влезал всё далее!

24

В каком полку он некогда служил,
В каких боях отличен был как воин,
За что свой крест мальтийский получил
И где своих медалей удостоен —
Неведомо. Ехидно попросил
Попова он, чтобы тот был спокоен,
С улыбкой указал ему на стул
И в комнату соседнюю скользнул.

Один оставшись в небольшой гостиной,
 Попов стал думать о своей судьбе:
 «А казус вышел, кажется, причинный!
 Кто б это мог вообразить себе?
 Попался я в огонь, как сноп овинный.
 Ведь искони того еще не бе,
 Чтобы меня кто в этом виде встретил,
 И как швейцар проклятый не заметил!»

Но дверь отверзлась, и явился в ней
 С лицом почтенным, грустию покрытым,
 Лазоревый полковник. Из очей
 Катились слезы по его ланитам.
 Обильно их струящийся ручей
 Он утирал платком, узором шитым,
 И про себя шептал: «Так! Это он!
 Таким он был едва ли из пелён!»

О юноша! — он продолжал, вздыхая
 (Попову было с лишком сорок лет): —
 Моя душа для вашей не чужая,
 Я в те года, когда мы едим в свет,

Знал вашу мать. Она была святая!
Таких, увы! теперь уж боле нет!
Когда б она досель была к вам близко,
Вы б не упали нравственно так низко!

28

Но, юный друг, для набожных сердец
К отверженным не может быть презренья,
И я хочу вам быть второй отец,
Хочу вам дать для жизни наставленье.
Заблудших так приводим мы овец
Со дна трущоб на чистый путь спасенья.
Откройтесь мне, равно как на духу:
Что привело вас к этому греху?

29

Конечно, вы пришли к нему не сами,
Характер ваш невинен, чист и прям!
Я помню, как дитёй за мотыльками
Порхали вы средь кашки по лугам!
Нет, юный друг, вы ложными друзьями
Завлечены! Откройте же их нам!
Кто вольнодумцы? Всех их назовите
И собственную участь облегчите!

Что слышу я? Ни слова? Иль пустить
 Уже успело корни в вас упорство?
 Тогда должны мы будем приступить
 Ко строгости, увы! и непокорство,
 Сколь вам ни больно, в вас искоренить!
 О юноша! Как сердце ваше чёрство!
 В последний раз: хотите ли всю рать
 Завлекших вас сообщников назвать?»

К нему Попов достойно и наивно:
 «Я, господин полковник, я бы вам
 Их рад назвать, но мне, ей-богу, дивно...
 Возможно ли сообщничество там,
 Где преступление чисто негативно?
 Ведь панталон-то не надел я сам!
 И чем бы вы меня там ни пугали —
 Другие мне, клянусь, не помогали!»

«Не мудрствуйте, надменный санкюлот!¹
 Свою вину не умножайте ложью!

¹ С а н к ю л о т — презрительная кличка, данная реакционерами беднейшим слоям населения в годы французской революции XVIII века.

Сообщников и гнусный ваш комплот¹
Повергните к отечества подножью!
Когда б вы знали, что теперь вас ждет,
Вас проняло бы ужасом и дрожью!
Но, дружбу вы чтоб ведали мою,
Одуматься я время вам даю!

33

Здесь на столе, смотрите, вам готово
Достаточно бумаги и чернил;
Пишите же — не то даю вам слово:
Чрез полчаса вас изо всех мы сил...»
Тут ужас вдруг такой объял Полова,
Что страшную он подлость совершил:
Пошел строчить (как люди в страхе гадки!)
Имен невинных многие десятки!

34

Явились тут на нескольких листах:
Какой-то Шмидт, два брата Шулаковы,
Зерцалов, Палкин, Савич, Розенбах,
Потанчиков, Гудим-Бодай-Корова,
Делаверганж, Шульгин, Страженко, Драж,
Грай-Жеребец, Бабков, Ильин, Багровый,
Мадам Гриневич, Глазов, Рыбин, Штих,
Бурдюк-Лишай — и множество других.

¹ К о м п л о т — заговор.

Попов строчил силеча и без оглядки,
 Попались в список лучшие друзья;
 Я повторю: как люди в страхе гадки —
 Начнут как бог, а кончат как свинья!
 Строчил Попов, строчил во все лопатки,
 Такая вышла вскоре ектенья¹,
 Что, прочитав, и сам он ужаснулся,
 Вскричал: фуй! фуй! задрыгал — и проснулся.

Небесный свод сиял так юн и нов,
 Весенний день глядел в окно так весел,
 Висела пара форменных штанов
 С мундиром купно через спинку кресел;
 И в радости уверился Попов,
 Что их Иван там с вечера повесил —
 Одним скачком покинул он кровать
 И начал их в восторге надевать.

«То был лишь сон! О счастье! о радость!
 Моя душа, как этот день, ясна!

¹ Е к т е н ь я — заздравное моление; здесь употреблено в ироническом смысле,

Не сделал я Бодай-Корове гадость!
Не выдал и агента Ильина!
Не наклепал на Савича! О сладость!
Мадам Гриневич мной не предана!
Страженко цел, и братья Шулаковы
Постыдно мной не ввержены в оковы!»

38

Но ты, никак, читатель, восстаешь
На мой рассказ? Твое я слышу мнение:
Сей анекдот, пожалуй, и хорош,
Но в нем сквозит дурное направление.
Всё выдумки, нет правды ни на грош!
Слыхал ли кто такое обвиненье,
Что, мол, такой-то — встречен без штанов,
Так уж и власти свергнуть он готов?

39

И где такие виданы министры?
Кто так из них толпе кадить бы мог?
Я допущу: успехи наши быстры,
Но где ж у нас министр-демагог?
Пусть проберут все списки и регистры,
Я пять рублей бумажных дам в залог;
Быть может, их во Франции немало,
Но на Руси их нет и не бывало!

И что это, помируйте, за дом,
 Куда Попов отправлен в наказание?
 Что за допрос? Каким его судом
 Страшают там? Где есть такое зданье?
 Что за полковник выскочил? Во всем,
 Во всем заметно полное незнание
 Своей страны обычаев и лиц,
 Встречаемое только у девиц.

А наконец и самое вступление:
 Ну есть ли смысл, я спрашиваю, в том,
 Чтоб в день такой, когда на поздравление
 К министру все съезжаются гуртом,
 С Поповым вдруг случилось помрачение
 И он таким оделся бы шутом?
 Забыться может галстук, орден, пряжка —
 Но пара брюк — нет, это уж натяжка!

И мог ли он так ехать? Мог ли в зал
 Войти, одет как древние герои?
 И где резон, чтоб за экран он стал,
 Никем не зрим? Возможно ли такое?

Ах, батюшка-читатель, что пристал?
Я не Попов! Оставь меня в покое!
Резон ли в этом или не резон —
Я за чужой не отвечаю сон!

СОДЕРЖАНИЕ

В. Смирнова. Алексей Константинович Толстой . 5

ЛИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

«Колокольчики мои...»	11
«Ты знаешь край, где всё обильем дышит...»	13
«Дождя отшумевшего капли...»	17
«Средь шумного бала, случайно...»	18
«Не ветер, вея с высоты...»	19
«Ты не спрашивай, не распытай...»	20
«Край ты мой, родимый край...»	—
«Коль любить, так без рассудку...»	21
Стрелковая песня	—
«Ой честь ли то молодцу лён прясти?...»	22
«Не верь мне, друг, когда в избытке горя...»	23
«Смеркалось, жаркий день бледнел...»	—
«Он водил по струнам; упали...»	24
«Осень. Обсыпается весь наш бедный сад...»	25
«Когда природа вся трепещет и сияет...»	—

«Вновь растворилась дверь...»	27
На тяге	—
«То было раннею весной...»	29
«Прозрачных облаков спокойное движенье...»	30
Колодники	32

БАЛЛАДЫ, БЫЛИНЫ И САТИРИЧЕСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Курган	34
«Где гнутся над омутом лозы...»	37
«Ходит Спесь, надуваясь...»	38
«У приказных ворот собирался народ...»	39
Змей Тугарин	41
Илья Муромец	49
Алеша Попович	53
Садко	60
Сон Попова	72

Обложка И. Кузьмина

ДЛЯ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА

Отв. редактор И. Воробьева.
Подписано к печати 14/VIII 1943 г.
27,8 печ. л. (2,85 уч.-изд. л.), 34750 экз.
в печ. л. Тираж 25000 экз. Л4888.
Заказ № 3508. Цена 1 руб.

Фабрика детской книги Детгиза
Наркомпроса РСФСР. Москва,
Сушеvский вал, 49.

Цена 1 руб.